

УДК 821.112.2:821.161.1

Е. В. Лескова

**ПРИТЧЕВЫЕ МОТИВЫ «БЕГСТВА ОТ СВОБОДЫ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. КАФКИ «В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ»
И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР»**

138

Притчевые произведения Ф. Кафки и Ф. Достоевского сопоставляются в идейном контексте философии XX столетия в связи с различными философскими интерпретациями греха и преступления. Идеальный мир произведений рассматривается в свете социокультурного опыта тоталитарных систем, его последующего осмысления и преодоления. Освещается интерес двух писателей к психологической обусловленности порабощения людей, подсознательным механизмам отказа от свободы.

The parabolic works of F. Kafka and F. Dostoevsky are compared in the ideational context of the 20th century philosophy in relation to different philosophical interpretations of sin and crime. The ideal world of these works is considered in the light of sociocultural experience of totalitarian system, its later analysis and overcoming. The author address the writers' interest in the psychological determination of enslavement and the unconscious mechanism of rejecting freedom.

Ключевые слова: Кафка, Достоевский, Фромм, свобода.

Key words: Kafka, Dostoevsky, Fromm, freedom.

Произведения Ф. Достоевского и Ф. Кафки обладают способностью не только «отражать» и «исследовать», но и предугадывать жизнь, являясь одним из доказательств того, что литература способна не менее чутко воспринимать действительность, чем философия, психология или социология, замечая зарождение ее болезненных симптомов задолго до объявления «диагноза», постановкой которого занимаются эти гуманитарные науки. Пониманию этого может способствовать опыт сопоставительного прочтения рассказа-притчи Кафки «В исправительной колонии» и «Великого Инквизитора» — вставной главы (также обладающей чертами притчевого жанра — см.: [5]) из романа Достоевского «Братья Карамазовы»¹ — сквозь призму работы Эриха Фромма «Бегство от свободы».

По Э. Фромму, причины человеческого стремления отказаться от собственного «я» и превратиться в «автомат», лишив себя индивидуальности и, казалось бы, неотъемлемого права свободного выбора, косятся вовсе не во внешнем давлении (как это принято полагать), а в самой природе человека, испытывающего страх перед огромным и чу-

¹ Об идейных параллелях двух рассматриваемых произведений не раз говорилось в критике прошлых лет [4; 7].

ждым миром: «...индивид противостоит не зависящим от него огромным величинам, ощущая себя песчинкой в сравнении с ними. Все, что он может, — это "пойти в ногу", как марширующий солдат или рабочий у конвейерной ленты» [3, с. 52]. Осознание себя ничтожной частью громадной мировой машины стало характерной чертой XX в., вобравшего в себя опыт тоталитаризма и механизации человеческого существа. В поисках истоков подобного мироощущения Фромм обращается к библейскому мифу об Адамовом грехе, следствием которого стало разделение человека с природой, утрата им так называемых первичных уз: «...пока человек был неотделимой частью мира... ему не приходилось и бояться его» [3, с. 14]. В этой генетической памяти автор находит и причины восприятия свободы как «бремени», ее ассоциации с «проклятием», повлекшим за собой «потерю рая» и разлад с окружающим миром, вследствие чего у современного человека возникает желание избавиться от нее. Эта проблема становится главной и в вышеназванных произведениях Достоевского и Кафки.

В основу сюжета обоих произведений положено изображение человеческого существа, дошедшего до крайности в своем стремлении «убежать» от свободы, подвергнувшегося идеологическому эксперименту «порабощения» ради обещанного блага. Люди по сути своей «малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [1, с. 287], — говорит Инквизитор, обосновывая свою жестокость по отношению к инакомыслящим их собственным желанием подчиниться ей: «...ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!» [1, с. 286—287].

В кафковской притче место инквизитора занимает «старый комендант», образ которого парализует жизнь колонии даже после его смерти, благодаря созданному им «аппарату» — изощренному орудию пыток, действию которого подвергаются все неудобные без суда и следствия, без ознакомления с собственным приговором. Сама колония представляет собой модель все того же тоталитарного общества — замкнутой системы, мало кого впускающей в свои пределы. Примечательно в этом смысле ее островное расположение, являющееся одним из жанровых признаков антиутопии в притче Кафки.

Помимо стремления «убежать» от свободы важным условием порабощения служит, по мысли писателей, природная подверженность человека искушению. Согласно Библии первым искушением стало обольщение Евы змеем-Сатаной, соблаздившего человека возможностью стать равным Богу: «...знает Бог, что в день, в который вы вкусите их [плодов], откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 5). В этом греховном дерзновении, истоки которого восходят к истории прародителей человечества, берет начало развитие любой неограниченной власти. Подобному искушению поддается Инквизитор Достоевского, пытающийся под маской «спасителя» человечества соперничать с Богом, создав иное, более совершенное, по его мнению, мироустройство.

В притче Достоевского тема человеческой свободы и проблема греха/искушения тесно взаимосвязаны. Греховный поступок в понимании

писателя (в соответствии с его христианским мировоззрением) — следствие проявления свободной воли человека, предполагающей совершенные им самостоятельного выбора между Богом и Дьяволом. Об этом пишет в своей работе и Э. Фромм: «Миф [об изгнании из рая. — Е.Л.] отождествляет начало человеческой истории с актом выбора, подчеркивает греховность... первого акта свободы» [3, с. 15], «грехопадение... является первым актом выбора, актом свободы» [3, с. 16]. Подобный «акт» означает наделение человека так называемым правом на ошибку: возможностью будущего переосмысления совершенных деяний, в религиозном понимании — раскаяния и искупления грехов. В кафковском произведении, построенном по законам абсурда, библейская действительность представлена в перевернутом виде. Здесь программа Великого Инквизитора («мы дадим им [людям] счастье... слабосильных существ» [1, с. 294], «наказание же за... грехи, так и быть, возьмем на себя» [1, с. 294]) полностью реализуется его «двойником» — «старым комендантом», избавившим людей от неудобных ему последствий свободы, таких как опасность искушения, отнимая у них вместе с тем право на свободу выбора, а следовательно, и возможность «уйти» от греха и избежать наказания.

Грехи (преступления) совершаются «обитателями» колонии автоматически, вследствие чего исчезает необходимость не только в искуплении вины, но и в ее осознании. Единственный «свободный» человек в кафковской притче, несущий ответственность за свои поступки, — путешественник, он и подвергается духовному испытанию, состоящему в принятии важного решения: попытаться остановить жестокости, не боясь навлечь на себя гнев сторонников старого режима, или же остаться в стороне. Однако он выбирает последнее: «...путешественник думал: решительное вмешательство в чужие дела всегда рискованно... Вздумай он осудить, а уж тем более сорвать эту экзекуцию, ему бы сказали: ты иностранец, вот и помалкивай» [2, с. 378].

Еще один аспект, связанный в обеих притчах с темой искушения — соблазнение «царствами земными»². Особенно отчетливо он проявляется в «Великом Инквизиторе». В противовес христианскому завету о том, что человек должен быть жив «не хлебом единым», Инквизитор Достоевского предлагает новую установку: «Накорми, тогда и спрашивай добродетели!» [1, с. 287], пытаясь объяснить несостоятельность христианской идеи природной слабостью большинства людей, «которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного» [1, с. 288]. Интерпретацию этой мысли мы находим и у Кафки, изображающего одинаково изголодавшихся осужденного и солдата (последний тщательно «долизывает» за арестантом тарелку с рисом), что в совокупности с предшествующими описаниями морального «разложения» членов колонии свидетельствует о том, что желание быть сытыми и выжить любой ценой затмило в их сознании духовные ценности.

² См. в данном контексте сравнительный анализ произведений Достоевского «Великий Инквизитор» и Анджеевского «Мрак покрывает землю» [6, с. 80].

В этой же сцене (общения солдата с осужденным) обнаруживает себя еще одна мысль писателя — тоталитарный «аппарат» уравнивает всех за исключением единовластного правителя, наделяющего себя всевозможными функциями: «солдата, судьи, конструктора, химика и чертежника» [2, с. 373]. О необходимости «уравнять» людей, лишив их отличительных черт, свидетельствующих о наличии воли и являющихся критерием личности, говорит и Инквизитор в своем монологе: «...побежит человечество как стадо, благодарное и послушное» [1, с. 287]. Также и в кафковской колонии: качества человека, делающие его личностью, нивелируются, его социальная позиция подвержена мимикрии: палач (офицер) внезапно может стать жертвой (хоть и добровольно), жертва (осужденный) также внезапно становится палачом. В процессе этих перестановок меняется и читательское отношение к героям, начинающим проявлять себя в неожиданном качестве. Вместо прежней жалости арестант начинает вызывать отвращение, когда, будучи освобожденным, с наслаждением наблюдает за гибелью офицера, с «широкой, беззвучной усмешкой» [2, с. 385], а поведение осуждаемого ранее офицера, который совершает самоубийство, осознав, что дело его жизни рухнуло, напротив, рождает сочувствие.

Проблема возможности «счастья» в условиях тоталитарной системы рассматривается в обоих произведениях сквозь призму мысли о радости, находимой в страдании. Уже ранее озвученная в романе Достоевского словами старца Зосимы («вот тебе завет: в горе счастья ищи!» [1, с. 90]), она отвергается Инквизитором, заменяющим ее идеей безмятежного «забытья»: «...мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы» [1, с. 294] в кафковской же притче подвергается безжалостной буквализации, искажающей ее истинный смысл: страдание в «исправительной колонии» воплощается в образе страшного пыточного инструмента, задача которого растянуть процесс умирания осужденного на долгие часы, доводя изможденное человеческое существо до готовности признать в смерти некое благо и даже счастье. Единственным настоящим успокоением становится для жителей колонии ощущение общности, единения в горе (о чем свидетельствует сцена дружеской беседы солдата с только что помилованным арестантом). О стремлении человека принадлежать к какому-то единству, чувствовать себя частью целого пишет и Э. Фромм: «Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способности действовать, а значит, и жить» [3, с. 11].

Произведения Достоевского и Кафки с одинаковой силой и яркостью изображают механизм порабощения людей, страшящихся собственной свободы. Исследования Э. Фромма дают нам понять, что причины этого страха коренятся в самой природе человека, чувствующего себя песчинкой по сравнению с огромным и чужим миром: «Если экономические, социальные и политические условия... не могут стать основой для... реализации личности, но в то же время люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности, то такой раз-

рыв превращает свободу в невыносимое бремя... И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы: уйти в подчинение...» [3, с. 16–17]. Принципиальное же различие этих двух текстов состоит в том, что Инквизитор Достоевского, требуя от человечества сложить свою свободу у его стоп, сам не отказывается от прав на нее, отводя себе роль одного из немногих избранных, берущих на себя ее бремя. В его образе абсолютизируется эгоцентрически-волюнтаристское начало, проявляющееся в готовности даже без божественной санкции взять на себя ответственность за предпринятый эксперимент. Его исполнение воли Божьей — замаскированный бунт, вызов воле Бога. В произведении Кафки нет личностей, а есть носители определенных функций тоталитарного механизма («офицер», «солдат»). Это механизм «отчуждения», который продолжает функционировать даже после смерти своего «изобретателя» (старого «коменданга»). Сама «исправительная колония» — модель общества, в котором программа Великого Инквизитора Достоевского, заключающаяся в «бегстве от свободы», стала достигнутым результатом. Но человеку не может найтись места в нечеловеческих условиях (как не нашлось места в колонии ее собственному создателю), отчего любая тоталитарная система рано или поздно «развалится», как «разваливается» пыточная машина, а единственной участью людей, живущих по этим жестоким законам, становится смерть.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собр. соч. : в 30 т. СПб., 1990. Т. 14.
2. Кафка Ф. В исправительной колонии // Собрание соч. : в 5 т. М., 2012. Т. 2. С. 370–388.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009.
4. Из дневников Франца Кафки // Вопр. лит. 1968. № 2. С. 131–169.
5. Лескова Е. В. Притчевое и параболическое начало в произведениях Ф. М. Достоевского «Великий Инквизитор» и Ф. Кафки «Перед Законом» // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 11, т. 1. С. 124–128.
6. Мальцев Л. А. «Мрак покрывает землю» Анджеевского и «Великий Инквизитор» Достоевского: искушение как экзистенциальная проблема // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2009. Вып. 8. С. 79–83.
7. Сучков Б. Мир Кафки // Кафка Ф. Роман, новеллы, притчи. М., 1965. С. 5–64.

Об авторе

Екатерина Владимировна Лескова — асп., Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград.
E-mail: ekaterina.leskova@list.ru

About the author

Ekaterina Leskova, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: ekaterina.leskova@list.ru